

— Мама Лю Шу, родная мать. — Глава деревни, опасаясь, что тот может не так понять, произнес слово «родная» с особой четкостью, почти полностью избавившись от своего акцента, так что речь его стала похожа на настоящий путунхуа.

— Хорошо.

— Тогда я доверяю это тебе. Если всё получится, возьми с собой и моего Да Гэня. Пусть парни будут вместе.

— Конечно, конечно. — Чэнь Юйши ни на секунду не позволил себе расслабиться, отвечая с почтительностью. Ведь священная земля открывалась лишь в особые праздники, а глава деревни безвозмездно предоставил ему уголья Цзымао для съемок. Он был бесконечно благодарен и не смел вести себя высокомерно перед старшим братом.

Работа съемочной группы в деревне шла гладко, хотя им приходилось торопиться, ведь многие сцены исторического сериала нужно было снять в период цветения снежных груш. Если бы они пропустили этот период, найти новое место было бы крайне сложно.

За неделю, что съемочная группа провела в деревне, Лю Шу послушно следовал указаниям Тань Мэн и сына главы деревни, Да Гэня, работая в группе. Иногда он участвовал в массовке, зарабатывая по несколько десятков юаней в день на карманные расходы.

Что касается актерской игры, Лю Шу не был таким увлеченным, как Да Гэнь. Как только он оказывался перед камерой, его лицо становилось каменным. В отличие от энергичного и активного Да Гэня, который быстро сблизился с массовкой из города, Лю Шу участвовал лишь тогда, когда не хватало людей.

Лю Шу сидел на небольшом холмике, наблюдая за группой людей в грушевом саду. Его взгляд упал на Да Гэня, который стоял под грушей в доспехах, кусая булочку. Лю Шу не мог понять, почему тому так нравилось всё это.

Меняются лица, но ни одно из них не его собственное. Лю Шу с силой потер лицо, опасаясь, что Да Гэнь станет кем-то другим.

Высокий и крепкий Да Гэнь, сделав глоток воды, огляделся и заметил Лю Шу, сидящего вдалеке. Взяв шлем, он подошел к нему.

— Лю Шу, что ты тут сидишь?

Скучающе Лю Шу поднял на него взгляд:

— Помощник режиссера Чэнь велел мне позже пойти с беженцами к озеру.

— Почему ты еще не переоделся? — Да Гэнь посмотрел на его черно-серый спортивный костюм. Он даже не надел головной убор. — Опять сачкуешь?

Лю Шу покачал головой, равнодушно ответив:

— Съемки в обед, не спешу. Я думаю, как бы придумать оправдание, чтобы мама не заставляла меня сниматься.

— Когда съемочная группа уедет, тебе и не придется. — предложил Да Гэнь, но тут услышал чей-то зов, натянул шлем и побежал к отряду солдат.

Лю Шу вздохнул и, обернувшись, увидел, как Чэнь Юйши спускается с горы. Режиссер тоже заметил его и, улыбаясь, направился к нему. Лю Шу, испугавшись, резко повернулся и хотел уйти.

— Лю Шу, как тебе ощущения от съемок? — Чэнь Юйши положил руку на спину Лю Шу. Он знал, что парню не нравится сниматься, но внешние данные, как и говорил глава деревни, были подходящими. Не считая небольшого акцента в путунхуа, он действительно имел потенциал для этой карьеры.

Лю Шу повернулся, с натянутой улыбкой ответив:

— Нормально, но, думаю, Да Гэнь справляется лучше!

Режиссер кивнул:

— У него есть энтузиазм. Но, Лю Шу, тебе стоит поучиться у него, быть более активным. В будущем у тебя могут быть роли с репликами, но вам нужно поработать над путунхуа.

— Если путунхуа не идеален, нельзя сниматься? — Лю Шу сделал вид, что удивлен.

Чэнь Юйши, подумав, что испугал его, поспешил объяснить:

— Можно, не волнуйся, но нужно больше практиковаться, чтобы избежать ошибок.

Лю Шу кивнул, улыбаясь Чэнь Юйши, на этот раз искренне.

Режиссер отвел Лю Шу в более укромное место и вдруг достал из кармана кошелек, вынув двадцатиюаневую купюру.

Лю Шу уставился на деньги, не решаясь взять:

— Режиссер, зачем это?

— Возьми, продолжай развиваться.

— Но съемки только после обеда, разве не после них должны платить?

— Это дополнительное поощрение. После съемок получишь сегодняшнюю зарплату. Глава деревни не зря рекомендовал тебя для съемок. Твои внешние данные подходят для больших ролей, и эмоции передаешь хорошо, но не хватает энтузиазма и активности. Это плохо. Эти двадцать юаней — чтобы ты стал активнее. Не обращай внимания на камеру.

Лю Шу смотрел на Чэнь Юйши с удивлением, но в глубине души понимал, что в конце концов разочарует его.

— Спасибо, режиссер. Но мои поля уже несколько дней без присмотра. Мне нужно за ними ухаживать. Можно я вернусь к съемкам, когда освобожусь?

— Хорошо, работай усердно. Я пошел. — Перед уходом он похлопал Лю Шу по плечу и удалился под его взглядом. Лю Шу снова посмотрел на деньги в руке.

Деньги давали мотивацию, и это было причиной, по которой Лю Шу продержался на съемках целую неделю.

Перед началом съемок после обеда Лю Шу быстро переоделся в костюм и, следуя указаниям визажиста, нанес на лицо слой грязи. Затем он присоединился к группе «беженцев» — стариков и детей, которых нашли среди местных жителей. Они шли к озеру, смеясь и болтая, пока режиссер не крикнул издали, чтобы они перестали смеяться. Все быстро переключилось на печальные эмоции.

Лю Шу пристально смотрел на озеро, стараясь не смотреть на камеру и не думать о ней. Он представлял себя беженцем, потерявшим дом и страну, скитающимся в чужой земле без крова. В отличие от его кур и уток, у которых хотя бы было место для сна ночью, у беженцев его не было.

Чем больше он думал, тем тяжелее становилось на душе. Лю Шу смотрел на прозрачную воду, потирая нос, из которого потекли сопли. С грязным лицом он действительно выглядел как беженец.

Тань Мэн, положив палочки на стол, взяла корзину с печеным бататом и вышла из дома.

В горах было много людей из города, и она не знала, как они относятся к Лю Шу. Ей хотелось пойти туда и наладить связи.

Её сын не умел подлизываться, и если его обижали, он просто прятался. В таких случаях мать должна была вмешаться.

Дорога от горы Цуйчжи к угольям Цзымао была единственной, шириной не более двух метров. Раньше её приводили в порядок только тогда, когда у главы деревни было время. Но с приходом съемочной группы дорога стала шире, наконец-то напоминая настоящий путь.

Раз в год она становилась чистой, и идти по ней было непривычно. Идя, Тань Мэн невольно улыбнулась.

— Груши уже цветут, значит, скоро появятся плоды. Лю Шу их любит, через пару месяцев соберу несколько для него.

Лю Шу, закончив съемки, переоделся и спустился домой на ужин. Бежал по горной тропе, но вдруг остановился, увидев вдалеке Тань Мэн, поднимающуюся в гору.

Она была одета в красно-коричневую клетчатую рубашку и черные брюки. Волосы аккуратно заколоты на затылке, украшенные деревянной шпилькой. На шее висело полотенце для пота, которое она забыла снять. В руках она держала большую корзину, и Лю Шу подумал, что она несет ему еду, что заставило его снова побежать в гору.

— Почему она поднимается? Должна быть в саду. — прошептал он, но тут громкий голос Тань Мэн раздался сзади.

— Это ты, Лю Шу? Что ты тут делаешь? Не снимаешься? — Тань Мэн подошла к нему, пристально глядя на него.

Лю Шу остановился, обернулся и, смущенно улыбаясь, достал из кармана деньги, заработанные сегодня на съемках, и протянул их матери.

Автор хочет сказать:

Прошло две года с момента публикации, и это кажется таким странным. Были и прогресс, и

регресс. В последнее время я училась в свободное время, осознавая некоторые ошибки, но не успела их исправить. Придется уделить больше внимания в будущих работах.

Из-за масштабных правок в «Шэньгуне» я чувствую себя истощенной. Хочу отдохнуть на Новый год, а потом вернуться к написанию сцен из сериала.

Честно, перечитывать свои работы — это испытание. Спасибо тем, кто дочитал до конца. Я сама не могу смотреть на это без содрогания. В процессе правок эмоции переполняли меня.

И еще, хочу упомянуть, что выбрала сегодняшний день для публикации не случайно. Это день борьбы с ВИЧ/СПИДом. Я уже несколько лет слежу за волонтерами, помогающими людям с ВИЧ, в Вэйбо. Если интересно, можете посмотреть. Волонтеры, как герой из недавнего популярного фильма о «лекарственном боге», заслуживают внимания. Не стоило говорить об этом в основном тексте, но я всё же упомянула.

<http://bllate.org/book/16834/1548282>